

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА

Валерий Николаевич КОНЫШЕВ ^{a*}, Александр Анатольевич СЕРГУНИН ^b

^a доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
konyshov06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>
SPIN-код: 7096-8300

^b доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergunin60@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>
SPIN-код: 3798-1460

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 18.09.2018
Получена в доработанном виде 01.10.2018
Одобрена 22.10.2018
Доступна онлайн 14.12.2018

УДК 327.8

JEL: H56, N40, N42

Аннотация

Предмет. Состояние и перспективы военной политики США в период президентства Д. Трампа.

Цели. Определение факторов политического, институционального и стратегического характера, влияющих на формирование военной политики администрации Д. Трампа, выяснение особенностей этой политики.

Методология. Анализ доктринальных документов, регламентирующих военную политику США, а также бюджета министерства обороны на 2019 финансовый год и различных экспертных оценок. Методы логического и сравнительного анализа.

Результаты. Выявлены сходство и различия в доктринальных основах политики безопасности Б. Обамы и Д. Трампа, основные параметры военной доктрины Д. Трампа, особенности финансирования министерства обороны и перспективы эволюции военной политики США на ближайшую перспективу.

Выводы. Администрация Д. Трампа сохранила преемственность в военной стратегии, направленной на установление гегемонии США в мире и контроля морских путей по линии Персидский залив – Индийский океан – Южно-Китайское море – Восточно-Китайское море. Основные отличия этой стратегии от политики администрации Б. Обамы состоят в изменении инструментов достижения стратегических целей. Трампу не удалось преодолеть антироссийский тренд во внешней политике США, однако это связано не с характером противоречий, а в значительной мере с политической конъюнктурой, что оставляет перспективу для нормализации отношений в будущем. США считают основными источниками угроз военной безопасности Россию и Китай, а также страны-«изгои» – Иран и Северную Корею. Д. Трамп отказался от сокращения военного бюджета, начавшегося при Б. Обаме. Бюджет на 2019 финансовый год ориентирован на ускоренную модернизацию вооруженных сил и достижение глобального военного превосходства. Программы модернизации «ядерной триады» ведут к утрате стратегической стабильности в отношениях между США и Россией.

Ключевые слова:

военная стратегия, угрозы безопасности, модернизация, вооруженные силы США, Трамп

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Кобышев В.Н., Сергунин А.А. Перспективы военной политики Д. Трампа // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2018. – Т. 14, № 12. – С. 2178 – 2194.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2178>

Введение

Перспективы военной политики администрации Д. Трампа вызывают особый интерес в силу

ряда обстоятельств. *Во-первых*, США остаются сильнейшей военной державой мира, далеко опережая другие государства по финансированию и совокупной мощи своих

вооруженных сил (ВС). В то же время наблюдается тенденция к падению влияния США в качестве мирового лидера, что вызывает явное недовольство американских элит и создает мотивацию для силового разрешения существующих и потенциальных международных проблем [1].

Во-вторых, для современного этапа эволюции международных отношений характерен рост неуправляемости, связанный с объективным процессом перераспределения центров силы в мире. В свою очередь, это вызывает эрозию международных режимов безопасности и рост конфликтности международной системы. Роль военно-силового фактора вновь объективно возрастает [2].

В-третьих, продолжающаяся революция в военном деле и особенности современных конфликтов усложняют процесс планирования и управления военными операциями, в которых повышается значимость иррегулярных действий [3]. Тем самым стирается грань между состоянием войны и мира, делая менее предсказуемым результат эскалации политического конфликта как такового.

В-четвертых, личный стиль президента Д. Трампа с его непоследовательностью, непредсказуемостью, недостаточностью личного политического опыта и перманентным конфликтом с Конгрессом делают менее предсказуемыми условия применения американской военной силы [4].

В связи с этим в настоящей статье изучается, чего же концептуально нового содержит военная политика администрации Д. Трампа, какие особенности и основные направления военной политики закреплены на доктринальном уровне, каковы приоритеты в области военного строительства и применения ВС, в чем состоят дальнейшие перспективы военной политики, которые диктует принятие военного бюджета США на 2019 финансовый год.

«Наследие» Б. Обамы в сфере безопасности

Военная политика Б. Обамы обозначила заметную смену приоритетов, которая была

призвана адаптировать их к меняющимся условиям. Стало очевидным, что США оказались в фазе развития, которую называют «перенапряжением сил». Это означало, что амбиции на глобальное лидерство не были более обеспечены реальным экономическим, военным и духовным потенциалом государства. Учитывая опыт предшественника – Дж. Буша-младшего, который не сумел сохранить лидерские позиции США с помощью военно-силовой политики, Б. Обама попытался восстановить глобальное лидерство США, сделав акцент на «мягкую силу».

В итоге было принято решение о сокращении военных расходов и снижении военного присутствия за рубежом. Существенную лепту в этот процесс внес министр обороны Р. Гейтс, хотя его планы не были до конца реализованы. Снижение бюджета Пентагона происходило за счет сокращения военного присутствия США в Ираке и Афганистане. Сокращения коснулись численности сухопутных сил, морской пехоты, а также дислоцированных в Европе и Азии сил передового базирования. Были прекращены некоторые военные НИОКР из-за их низкой эффективности, сокращены закупки вооружений. В итоге Б. Обама планировал в течение ближайших 10 лет высвободить от 450 млн до 1 трлн долл. США за счет сокращения военных расходов¹.

В условиях сокращения финансирования и одновременного технологического рывка в России и Китае министерство обороны США разработало новую программу планирования НИОКР. Ее цель состояла в сохранении военного доминирования США за счет выборочного развития ряда технологий, таких как использование роботов и миниатюрных средств, обработка больших массивов данных (*big data*), внедрение в производство так называемой «трехмерной печати».

Б. Обама продолжил политику развития глобальной ПРО, включая ее сегмент в

¹ The Future Military: Your Budget Strategy. *The New York Times*, 2012, January 2.
URL: <http://nytimes.com/interactive/2012/01/02/us/you-cut-the-defensebudget.html?choices=znpf4jwj>

Восточной и Центральной Европе. Правда, наткнувшись на серьезные возражения России, США приостановили разработку новейшей ракеты-перехватчика SM-3 Block IV. Попытка ограниченного сотрудничества с Россией, получившая название «перезагрузки», не имела успеха, поскольку Россия далеко не всегда следовала рекомендациям Вашингтона и достаточно твердо отстаивала свои национальные интересы на мировой арене.

В плане геополитических приоритетов США произошел разворот от Европы к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) в связи с возрастающей военной и экономической мощью Китая. До 2/3 американских ВМС сосредоточились на контроле за «южной аркой», идущей от Персидского залива, через Индийский океан к Восточно-Китайскому морю, чтобы контролировать основной путь поставки энергоносителей в Китай. Официальная риторика Вашингтона сдвинулась от сотрудничества с Пекином к стратегическому соперничеству [5].

В то же время «в наследство» от предшественника администрации Д. Трампа остался целый ряд проблем. Отчасти это было связано с нерешительностью и непоследовательностью внешнеполитического курса Б. Обамы, но нельзя сбрасывать со счетов и динамичные изменения в международной системе, которые вышли из под контроля США: «цветные революции» на Арабском Востоке и постсоветском пространстве, вооруженный конфликт между Россией и Грузией 2008 г., государственный переворот на Украине и воссоединение Крыма с Россией, конфликт на Донбассе, война в Сирии.

К наиболее острым проблемам эксперты относят следующие явления и процессы.

Фактическая поддержка США экстремистских и террористических группировок на севере Африки и Ближнем Востоке привела к серии «цветных революций». Надежды США взять

их под контроль не состоялись, ситуация в этих регионах дестабилизировалась, а американское влияние в арабском мире и среди традиционных западных союзников значительно ослабло.

Курс Б. Обамы на снижение военного присутствия за рубежом провалился из-за неуправляемости и обострения региональных конфликтов. В итоге США пришлось вновь ввести войска в Ирак и сохранить военное присутствие в Афганистане. Попытки оказать влияние на сирийский конфликт путем военной поддержки оппозиции оказались для США крайне неудачными, а собственные провалы прикрывались необоснованными (нередко просто ложными) обвинениями России в военных преступлениях против гражданского населения. Для сдерживания «агрессивной» России в 2016–2017 гг. в Польше и странах Балтии были развернуты американские бронетанковая и воздушно-десантная бригады, четыре батальона из других стран НАТО, а также дополнительные военно-воздушные и военно-морские силы.

В период правления Б. Обамы не было выдвинуто никаких инициатив в области ограничения и снижения уровня стратегических наступательных вооружений и контроля над тактическим ядерным оружием. Скорее здесь можно говорить о регрессе. Так, Обама продолжил модернизацию ядерных вооружений США, но не предпринял шагов по снижению уровня взаимного ядерного сдерживания с Россией, хотя такие меры предлагались не только российской стороной, но и американскими экспертами. Обама так и не начал работу по ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Более того, при нем в США началось обсуждение возможности «ограниченной ядерной войны» в духе Р. Рейгана – для сдерживания конфликта с применением обычных вооружений. США отказались от выполнения программ по утилизации избыточного оружейного плутония, что вынудило и Россию остановить эту программу [6].

Произошло резкое обострение отношений с Россией, продиктованное не объективной оценкой стратегической ситуации, а конъюнктурными обстоятельствами. На фоне явного провала США в Сирии в Стратегии национальной безопасности 2015 г. и ряде официальных заявлений Россия была прямо названа главной угрозой безопасности. Высокопоставленные военные стали заявлять о возможной войне с Россией и Китаем. Российские эксперты усмотрели в этом (вкуче с эпизодами по обвинению России за сбитый в небе над Донбассом малазийский Боинг в 2014 г. и уничтожение гуманитарного конвоя в Сирии в 2016 г.) намерение Вашингтона отказаться от политики сокращения военных расходов и демилитаризации внешнеполитического курса на мировой арене. За этим можно увидеть и возникший концептуальный вакуум по развитию ВС США в меняющейся стратегической обстановке [7].

Увеличился разрыв между глобальными амбициями США, которые по-прежнему воспроизводились в доктринальных документах, и снижением реальных возможностей управлять региональными конфликтами в Ливии, Сирии, Южном Йемене, Ираке, Афганистане. В более широком плане это привело к эрозии военных альянсов под эгидой США и двустороннего военного сотрудничества, когда союзники предпочли дистанцироваться, например, от инициатив антикитайской направленности [7].

Таким образом, масштабное реформирование ВС США, начатое Б. Обамой, по многим направлениям практически зашло в тупик, чем в значительной мере объясняется резкий поворот в политике, предпринятый Д. Трампом.

Контуры военной доктрины Трампа

К особенностям администрации Д. Трампа относят широкое привлечение бывших военных на различные посты. В формировании нынешней военной политики Вашингтона особая роль принадлежит

министру обороны Дж. Мэттису, который назвал правление Б. Обамы периодом «стратегической атрофии». Еще в бытность на военной службе он получил репутацию талантливого командира, обладающего стратегическим мышлением. Многие его соображения, ранее высказанные публично, можно обнаружить в опубликованных позднее доктринальных документах министерства обороны: США обладают исключительным статусом в мировой политике; Россия стремится расколоть НАТО; Россия – стратегический соперник и главная угроза безопасности США; Россия проводит политику экспансии в Сирии, на Украине и в Прибалтике; США должны укрепить военную мощь при отсутствии стратегии глобального лидерства. Близких взглядов по этим вопросам придерживался и советник по национальной безопасности Р. Макмастер. Правда, сменивший его в апреле 2018 г. Дж. Болтон занимает еще более негативную позицию, касающуюся России.

Выработка последовательного курса в отношении России затрудняется тем, что между президентом и министром обороны (да и другими представителями внешнеполитических ведомств) нет единства во взглядах на проблемы международной политики. Сам Д. Трамп скорее склонен считать Россию важным партнером, чем стратегическим соперником². В отношении НАТО Д. Трамп считает, что это устаревшая организация, в то время как Дж. Мэттис является сторонником укрепления данного альянса. Д. Трамп выступил за пересмотр ядерной сделки с Ираном, а Дж. Мэттис – против. Впрочем, в отношении России оба выступают за взаимодействие и даже сотрудничество, правда, весьма ограниченное и обставленное различными условиями [8].

Кроме того, выработке последовательной позиции в отношении России мешает острая внутрисполитическая борьба в США, в которой постоянно разыгрывается «российская карта»

² Трамп рассказал, почему не хочет называть Россию противником.
URL: <https://ria.ru/world/20180718/1524823767.html>

[9]. Сам Д. Трамп, сделавший во время выборной кампании немало громких заявлений, в том числе о необходимости нормализации отношений с Россией, был вынужден «сдать назад», столкнувшись не только с оппозицией, но и с государственной бюрократической машиной, которая обладает огромной инерцией. В этом плане преждевременно судить о каком-то целостном взгляде Трампа на проблемы безопасности и тем более о «большой стратегии» [10].

Доктринальные основы военной политики администрации Д. Трампа нашли отражение в нескольких документах, опубликованных в течение 2018 г. Их лейтмотивом можно считать тезис: «обеспечить переговоры президента и дипломатов с позиции силы»³. В них отмечается, что стратегическое окружение претерпело значительные изменения, которые состоят в следующем.

Во-первых, основным фактором, который создает повестку безопасности, названо долгосрочное стратегическое соперничество между государствами, пришедшее на смену региональным угрозам. Основные вызовы безопасности США создают Россия и Китай, которые пытаются переделать мир согласно своим авторитарным моделям управления.

Сложившийся по итогам Второй мировой войны международный порядок подвергается эрозии из-за «ревизионистской» политики России и Китая. Эти два государства, с одной стороны, используют все его преимущества с выгодой для себя, а с другой – постоянно нарушают его принципы. Экономическая политика Китая в отношении соседних государств оценивается как «хищническая».

В США считают, что Китай в долгосрочной перспективе стремится наращивать экономическую, политическую и военную силу, чтобы сначала вытеснить США из АТР, а затем бросить вызов и в глобальном масштабе. Россия представляет угрозу

интересам США на региональном уровне, пытаясь расшатать единство НАТО и изменить экономические отношения и структуру безопасности в Европе и на Среднем Востоке в свою пользу. Таким образом, Россия и Китай объявлены не прямыми врагами, а потенциальными противниками.

По мнению Вашингтона, деструктивную роль в мировой политике играют и «государства-изгои» вроде Северной Кореи и Ирана, создающие оружие массового уничтожения, которое усиливает угрозу США, Японии и Южной Кореи. «Изгоям» также приписывается поддержка терроризма. «Ревизионисты» и «изгои» проводят политику насилия и нарушения суверенитета других государств⁴.

Во-вторых, США утратили безусловное военное превосходство и сталкиваются с вызовами на всех пространствах войны: на земле, в воздухе, в космосе и в киберпространстве. Этому способствовало распространение по миру высоких технологий, которые дают значительные военные преимущества относительно слабым государствам и негосударственным акторам.

В обзоре состояния ядерной политики, опубликованном в 2018 г., отмечается, что угроза ядерной войны возросла. В документе говорится, что Россия может начать манипулировать угрозой ограниченного превентивного ядерного удара для разрешения конфликта в свою пользу либо реально нанести такой удар по США или их союзникам. Правда, и за собой США также оставляют подобные права. По оценкам отечественных экспертов, порог применения США ядерного оружия в действительности снижен за счет допущения ими ограниченных ядерных ударов⁵. Впрочем, в США раздаются ровно такие же обвинения в адрес России [11].

Опасения США вызывает и модернизация ядерных сил России, включая гиперзвуковые

³ Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, 2018. P. 1.

⁴ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 1.

⁵ Бойцов М.Ф. Ядерный манифест США. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2018-03-02/1_986_manifest.html

носители, межконтинентальную торпеду с ядерным зарядом, новые типы межконтинентальных баллистических ракет. России приписывается нежелание идти на переговоры об ограничении тактического ядерного оружия. Китай близок к тому, чтобы создать полноценную ядерную «триаду», но при этом политика Пекина остается для США совершенно непрозрачной. Кроме того, угроза ядерной войны растет из-за того, что повысились риски вовлечения ядерных держав (прежде всего имеются в виду Россия и Китай) в региональные конфликты⁶.

Военная доктрина США исходит из того факта, что внутренняя территория США более не является убежищем, гарантирующим безопасность. Наоборот, США стали целью для атак по самому широкому спектру: терроризм, кибератаки, нападения на государственную инфраструктуру, политические и информационные диверсии⁷.

Исходя из описанного изменения стратегической обстановки, во многих документах администрации Д. Трампа, регламентирующих политику безопасности, делается вывод, что необходимо существенно увеличить финансирование Пентагона, которое должно носить долгосрочный характер, чтобы нейтрализовать настоящие и будущие угрозы со стороны России и Китая.

Основные миссии, которые предусматривает военная стратегия США, включают в себя:

- контроль трех ключевых регионов – Индийского и Тихого океанов, Европы, Среднего Востока;
- противостояние угрозам применения оружия массового уничтожения и терроризму;
- победа в «полутора войнах» (война против крупного государства и одновременное участие в региональном конфликте);

⁶ Nuclear Posture Review. January 2018. Washington: Department of Defense, 2018. P. 4–6.

⁷ Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, 2018. P. 2.

- защита территории США.

Осуществление этих миссий планируется обеспечить за счет финансирования программ по модернизации ядерного арсенала, военно-космических систем и кибероружия, интегрированных систем управления боевыми действиями, систем противоракетной обороны (против ракет малой дальности и баллистических ракет Северной Кореи), автономных систем с использованием элементов искусственного интеллекта.

В ключевых регионах США по-прежнему рассчитывают опираться на временные коалиции и военные блоки, однако при условии, что все партнеры будут делать «справедливый» вклад в обеспечение коллективной безопасности. На практике это вылилось, например, в требование к членам НАТО увеличить военные расходы⁸.

В целом доктринальные документы и риторика официальных лиц США хорошо укладываются в мировоззрение политического реализма Г. Моргентау [12] из эпохи холодной войны, согласно которому, смыслом внешней политики является постоянное наращивание силы государства. Такая позиция сегодня имеет достаточно сторонников не только в администрации Д. Трампа, но и в экспертной среде. Откровенно алармистскую позицию занимают право-консервативные «мозговые центры», оказывающие заметное влияние на формирование оборонной политики. В опубликованном исследовании фонда «Наследие» состояние всех видов вооруженных сил США оценивается как «слабое» (20–39%) или «на грани готовности» (40–59%) [13], что едва ли соответствует действительности.

Между тем ряд американских экспертов справедливо отмечает: проекты американской гегемонии на практике уже показали, что они слишком дорого обходятся обществу, а в стратегическом отношении являются полной

⁸ Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Washington: Department of Defense, 2018. P. 4–10.

иллюзией [14]. Представители центристской «фабрики мысли» Центра стратегических и международных исследований считают, что несмотря на воинственную риторику, в действительности Вашингтон, скорее всего, будет избегать эскалации военных конфликтов с Китаем и Россией, как это было в годы холодной войны, переводя соперничество в другие сферы⁹.

Особенности военного бюджета на 2019 г. и будущее военной политики США

В предложениях министерства обороны США на 2019 финансовый год, которые находятся на рассмотрении Конгрессом, общие расходы на национальную безопасность составляют 716 млрд долл. США. Из них непосредственно Пентагону планируется выделить 686 млрд, при этом базовая часть составит 617 млрд долл. США, а поддержка операций за рубежом – 69 млрд долл. США. Однако Д. Трамп, направляя бюджетное послание в Конгресс, изменил распределение расходов: 597 млрд – в базовую часть и 89 млрд – на поддержку операций за рубежом¹⁰. Окончательная сумма расходов и распределение по статьям будут ясны только после голосования в Конгрессе, разрешающего расходовать средства (*appropriation bill*). Это может произойти в конце 2018 г. или даже начале 2019 г.

Если исходить из обсуждаемой суммы в 686 млрд долл. США, то военные расходы Пентагона по отношению к 2018 г. вырастут на 74 млрд, что составляет 5% в реальном выражении (без учета инфляции). Эта мера объясняется тем, что необходимо компенсировать последствия секвестра оборонного бюджета, введенного при Б. Обаме, который, по мнению военных, нанес ущерб боеготовности ВС, замедлив их модернизацию. В перспективе Пентагон стремится сохранить ежегодный прирост

бюджета на уровне инфляции, как было сказано на брифинге заместителя министра обороны. В целом рост военного бюджета предполагается ниже темпов экономического роста¹¹. Отношения между Конгрессом и президентом по проекту бюджета на 2019 г. говорят о консенсусе по необходимости повышения военных расходов. При этом их доля от ВВП будет поддерживаться на уровне 3,1%, то есть не будет расти, как и в предыдущие годы¹².

Примечательно, что, по планам Пентагона, представленным президенту, рост военных расходов приходился в основном на базовую часть бюджета, а поддержку операций за рубежом предлагалось сократить на 16,8%. Но в своем бюджетном послании Конгрессу Д. Трамп поступил ровно наоборот, увеличив объем расходов на зарубежные операции с 69 до 89 млрд долл. США, что даже превосходит уровень финансирования на 2018 г. Внезапный пересмотр стал итогом непростых споров в окружении президента. В то же время в документах Пентагона, рассчитанных на перспективу до 2023 г., все равно остается ориентация на существенное снижение расходов на зарубежные операции. Это соответствует установкам Д. Трампа на снижение вовлеченности в продолжительные военные конфликты за рубежом. Однако ряд американских экспертов считает, что снижения финансирования операций за рубежом на самом деле не произойдет: часть расходов формально перенесут в базовый бюджет¹³.

В *табл. 1* показана общая динамика увеличения расходов по видам войск, из которой следует, что приращение финансирования произошло на примерно

¹¹ Department of Defense News Briefing on the President's Fiscal Year 2019 Defense Budget. February 12, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1439782/department-of-defense-news-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2019-defense>

¹² Fiscal Year 2019 Budget Request. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). CFO. Washington: Department of Defense, 2018. P. 3–4.

¹³ Cancian M. Forecasting the Trump defense Budget. URL: <https://csis.org/analysis/forecasting-trump-defense-budget>

⁹ Jones S. The Return of Political Warfare. *Defense Outlook* 2018. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2018. P. 30–32.

¹⁰ An American Budget. Fiscal Year 2019. Washington: Office of Management and Budget, 2018. P. 33.

составимые объемы для ВМС, ВВС и сухопутных сил. При этом урезанию подверглась статья на непредвиденные расходы.

В расходах на зарубежные операции наибольшие доли финансирования выделяются для продолжения операции «Страж свободы» в Афганистане, подразумевающей сохранение американского присутствия и помощь местным силам безопасности (56%). Продолжится операция «Непоколебимая решимость» в Сирии и Ираке, которая формально направлена против ИГИЛ, но помимо этого включает в себя поддержку сил сирийской оппозиции и помощь иракским силам безопасности (17%). По сравнению с 2018 финансовым годом финансирование каждой из этих операций увеличивается на 1,8 и 2,3 млрд долл. США соответственно. Численность американских войск в Афганистане увеличивается на 3,5 тыс. чел. и составит 14 тыс., а в Сирии и Ираке она останется на прежнем уровне. При этом значительная часть расходов идет на обеспечение операций, которые осуществляются из-за пределов Афганистана, Ирака и Сирии, и проходит по закрытым статьям бюджета – около 20,3 млрд долл. США, что составляет 34% от финансирования операций за рубежом в целом¹⁴.

Известно, что первоначальная позиция самого Д. Трампа, которую он высказывал, критикуя своего предшественника Б. Обаму, была за вывод войск из Афганистана. В окружении Трампа не было однозначного мнения по этому поводу, но «партия войны» во главе с Дж. Мэттисом все же переубедила президента. В итоге была принята новая стратегия по Афганистану и Южной Азии, согласно которой поспешный вывод американских войск создал бы вакуум, который может быть легко заполнен ИГИЛ и Талибаном. Д. Трамп отказался назвать какие-либо временные рамки по свертыванию операции, но намекнул на возможный компромисс США с Талибаном.

¹⁴ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 4–7.

Президент также подчеркнул, что США отказываются от практики навязывания политических реформ Афганистану, ограничившись борьбой с терроризмом¹⁵. Американские источники указывают, что одним из дополнительных мотивов могла быть перспектива добычи полезных ископаемых в Афганистане, недра которого богаты рудами железа, меди и редкоземельных металлов¹⁶.

В расходах на зарубежные операции гораздо меньшими, по сравнению со Средним Востоком, оказываются доли затрат на военное присутствие США в Европе (7%) по статье «Инициатива европейской безопасности». По отношению к 2018 финансовому году финансирование увеличивается на 1,8 млрд долл. США. Сюда включены расходы на учения в рамках НАТО, наращивание потенциала сухопутных сил альянса, а также развитие инфраструктуры авиабаз для повышения ударного потенциала американской авиации. Предусматривается и военная помощь Украине в размере 200 млн долл. США, направленная на приближение украинской армии к стандартам НАТО¹⁷. Правда, в самой Европе нет единого мнения по поводу сдерживания России, о чем вновь заговорили после присоединения Крыма в 2014 г. Дело в том, что лишь руководство НАТО и страны Восточной и Центральной Европы рассматривают пресловутую «военную агрессию» со стороны России в качестве главной угрозы своей безопасности, а в Западной Европе преобладают гораздо более умеренные оценки [15].

В базовой части бюджета выросла доля ассигнований на фундаментальные и прикладные исследования, а также разработку новых технологий. В абсолютном выражении

¹⁵ Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. Fort Myer, Virginia. August 21, 2017. URL: <https://whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia>

¹⁶ Metha A., Copp T. Trump Afghanistan Strategy Calls for More Troops, Regional Pressure. URL: <https://securityassistance.org/ru/content/trump-afghanistan-strategy-calls-more-troops-regional-pressure>

¹⁷ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 4–8.

эта статья бюджета составила 13,7 млрд долл. США, то есть 2,3% от общей суммы. Приоритетные направления исследований: гиперзвуковые технологии, беспилотные летательные системы, робототехника, использование направленной энергии, средства электронной войны, искусственный интеллект.

По военным закупкам на 2019 финансовый год по линии базового бюджета сумма составит 221 млрд долл. США. Из нее на закупки вооружений предназначается 131 млрд, а на модернизацию 90 млрд долл. США. Примечательно, что расходы на модернизацию по сравнению с предыдущим годом увеличиваются на 26%. Предлагается также увеличить личный состав ВС на 25,9 тыс. чел. в рамках программ модернизации за счет набора специалистов по кибербезопасности, пилотов, ракетчиков и т.д.¹⁸. Однако в других документах эта цифра варьируется.

В абсолютном выражении в базовой части наибольший объем финансирования закупок приходится на авиацию в составе военно-воздушных, военно-морских сил США и корпуса морской пехоты. Самые большие вложения планируются на закупку 77 многоцелевых истребителей-бомбардировщиков F-35 в различных модификациях: наземный, палубный, с укороченным взлетом и вертикальной посадкой (10,7 млрд долл. США), 15 заправщиков KC-46A (3 млрд долл. США), 10 противолодочных самолетов «Посейдон» P-8A (2,2 млрд долл. США), 24 палубных истребителя F/A-18 (2 млрд долл. США). Из-за задержек с вводом в строй достаточного количества палубных F-35 ВМС вынуждены продлять ресурс истребителей F/A-18 с 6 до 10 тыс. ч налета¹⁹.

Эксперты указывают, что F-35 в принципе имеет множество недоработок. Так, по словам вице-адмирала М. Винтера, который курирует этот проект в Пентагоне, у самолета выявлено

68 недостатков, включая двигатель, системы жизнеобеспечения пилотов, программное обеспечение. В итоге значительная часть самолетов, поставленных в войска, стоит в ангарах²⁰. После успешной доработки этого проекта США будут иметь, во-первых, истребитель-бомбардировщик двойного назначения, способный нести ядерные бомбы. Во-вторых, единую платформу для создания модификаций самолета 5 поколения для всех видов и родов войск. Это позволит существенно снизить расходы на дальнейшее развитие военной авиации, ее производство и обслуживание.

Вторые по объему инвестиции предусмотрены в строительство боевых кораблей. Планируется закупка двух атомных многоцелевых подводных лодок класса «Вирджиния», несущих крылатые ракеты «Томагавк» (7,4 млрд долл. США), трех эсминцев «Арли Берк», оснащаемых системой ПРО морского базирования (5,9 млрд долл. США), одного корабля ближней морской зоны в новой модификации (1,3 млрд долл. США). Высокая стоимость последнего, видимо, объясняется настойчивыми попытками преодолеть серьезные недостатки уже созданных вариантов корабля, обладающих низкой живучестью в условиях интенсивного боя²¹. Продолжится строительство атомных авианосцев «Энтерпрайз» и «Джон Кеннеди» класса «Джеральд Форд» (1,8 млрд долл. США). Всего в 2019 финансовом году планируется закупка 10 боевых кораблей.

Как отметил на брифинге представитель комитета начальников штабов, опережающее финансирование авиации и флота в значительной мере связано с намерением США добиваться военного превосходства в АТР. США продолжают расширять свою инфраструктуру и военное присутствие в регионе. Именно для этой задачи выделены

²⁰ Грищенко Н. В США рассказали о новых проблемах с F-35. URL: <https://rg.ru/2018/03/08/v-ssha-rasskazali-o-novyh-problemah-s-f-35.html>

²¹ Keller J. The US Navy basically admitted that the Littoral Combat Ship looks like a massive failure. URL: <https://businessinsider.com/us-navy-littoral-combat-ship-problems-2018-4>

¹⁸ Program Acquisition Cost by Weapon System. Fiscal Year 2019 Budget Request. Washington: Department of Defense, 2018.

¹⁹ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 3–16.

упомянутые средства на подлодки «Вирджиния», а также противолодочные самолеты «Посейдон»²². В этом отношении можно говорить о преемственности стратегии Б. Обамы, который в свое время объявил о переносе основного внимания на контроль «южной арки» (от Персидского залива, через Индийский океан и до Восточно-Китайского моря), где сосредоточены 2/3 американских ВМС.

В модернизации сухопутных сил ориентиром остается амбициозная задача – развитие их способности вести межвидовые операции полного спектра: побеждать любого противника, на любом пространстве войны, в любых условиях. Особое внимание уделяется закупкам боеприпасов различного типа для поражения целей в небе противника и мобильных целей на земле, а также для разрушения систем ПВО/ПРО. Речь идет, прежде всего, о корректируемых бомбах JDAM (1,2 млрд долл. США) и высокоточных дальнобойных ракетах GMRLS (1,2 млрд), запускаемых с реактивных систем залпового огня. Средства также направляются на закупку 1 642 ед. легких бронемашин (2 млрд) и модернизацию 135 танков «Абрамс-М1А2» (2,7 млрд долл. США) В комментариях министерства обороны к проекту бюджета отмечается, что вследствие недофинансирования в предыдущие годы сложилась ситуация, когда сухопутные силы в отдельных сегментах могут уступать потенциальным противникам (России и Китаю) в качестве вооружений и в их дальнобойности²³.

В 2019 финансовом году возрастут расходы на совершенствование ядерной триады, они составят 24 млрд долл. США. Расходы включают в себя продолжение работ над новым стратегическим бомбардировщиком В-21 (2,3 млрд), который планируется ввести в

²² Department of Defense News Briefing on the President's Fiscal Year 2019 Defense Budget. February 12, 2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1439782/departments-of-defense-news-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2019-defense>

²³ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 8.

строй в середине 2020-х гг. Министерство обороны намерено заказать минимум 100 самолетов. Продолжится разработка новой межконтинентальной баллистической ракеты GBSD (*Ground Based Strategic Deterrence*), которая после 2030 г. должна прийти на смену «Минитмен-III» (345 млн). Другие проекты касаются стратегической ядерной подводной лодки класса «Колумбия» (3,7 млрд) и крылатой ракеты дальнего радиуса действия с ядерной боеголовкой (0,6 млрд долл. США). Таким образом, США объективно подошли к периоду смены всех составляющих «ядерной триады», которая начнется в конце 2020-х гг.

Эксперты отмечают, что модернизация ядерных сил, которая продолжается с 2009 г., нарушает стратегическую стабильность между Россией и США. В частности, речь идет о замене боеголовок W76-1/Mk4A, проводимой в рамках программ по продлению ресурса межконтинентальных баллистических ракет. Обновленные боевые блоки обладают повышенной убойной силой, вследствие чего они способны поражать наиболее защищенные шахтные установки российских стратегических ядерных сил. До этого лишь 20% ракет «Трайдент-II» могли решать подобную задачу. Тем самым при номинальном равенстве боезарядов США получают преимущество для нанесения упреждающего удара²⁴. Другое направление модернизации связано с тактическим ядерным оружием малой и средней мощности (10–50 Кт), которое может нести на борту истребитель двойного назначения F-35. Тем самым США повышают свои возможности по нанесению ограниченного ядерного удара по территории России или по слабым противникам, которые не сумеют ответить ядерным оружием²⁵.

В то же время реализация проектов модернизации ядерных сил не будет означать, что США добьются пропорциональных выгод

²⁴ США повысили шансы выиграть в ядерной войне с Россией. URL: <https://news.rambler.ru/articles/36240653-sshapovysili-shansy-vyigrat-v-yadernoy-voyne-s-rossiyey>

²⁵ Бойцов М.Ф. Ядерный манифест США. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2018-03-02/1_986_manifest.html

и гарантий собственной безопасности. Анализ различных сценариев ограниченного применения ядерного оружия, проведенный американскими экспертами, показывает, что политические решения в этой сфере связаны с высокими рисками непредсказуемой эскалации конфликта [16].

В области ПРО планируются затраты в объеме около 13 млрд долл. США; они предусматривают строительство десяти новых шахт (к 2023 г. – еще 10, до общего количества 64 шахты) и ввод в строй четырех пусковых установок GBI наземного базирования в Форт-Грили на Аляске (2,1 млрд), закупку 82 противоракет для систем THAAD (1,1 млрд) и 43 противоракет типа SM-3 Block IB и SM-3 Block IIА для оснащения кораблей системой ПРО «Иджис» (1,6 млрд), модернизацию противоракет комплекса Patriot/PAC-3 по увеличению высоты и дальности перехвата (1,6 млрд долл. США).

Однако, несмотря на значительный бюджет, дальнейшие перспективы развития систем ПРО пока не определены, о чем свидетельствует задержка с публикацией обзора по ПРО, который планировали опубликовать еще в конце 2017 г. Если в обзоре 2010 г. было зафиксировано, что вероятность войны с Россией или Китаем низкие, то с тех пор восприятие угроз сильно изменилось. Это произошло в том числе из-за украинского кризиса, присоединения Крыма и появления у России гиперзвукового и другого оружия, о чем объявил В. Путин в своей речи 1 марта 2018 г. От нового обзора ожидают формулирования путей повышения эффективности систем ПРО и стратегию их дальнейшего развития. Нынешняя система национальной ПРО не способна защитить США от российских ракет²⁶, поэтому ставится вопрос о возврате к доктрине Р. Рейгана по размещению элементов ПРО в космическом пространстве [17]. Эти планы вызывают скепсис у части конгрессменов США. В своем выступлении в нижней палате республиканец

²⁶ *Sonne P.* Pentagon looks to adjust missile defense policy to include threats from Russia, China. *The Washington Post*, March 2, 2018.

Дж. Фостер, бывший физик, назвал их пустой тратой денег²⁷.

Эксперты также ожидают, что новая доктрина будет касаться не только баллистических, но и других типов ракет на различных носителях. Это означает возможный сдвиг в будущей архитектуре ПРО – от нацеленной на перехват баллистических ракет на интегрированную (баллистические, крылатые ракеты и беспилотные устройства). Встает вопрос и об отказе от секторальной направленности ПРО в пользу круговой, то есть действующей на 360°²⁸.

В интересах всех видов ВС и стратегических ядерных сил продолжится развитие космических программ. В политике Д. Трампа обозначился качественно новый этап, связанный с открытым переходом к милитаризации космоса. На церемонии подписания предварительного варианта военного бюджета президент заявил, что *«недостаточно просто присутствия США в космосе; мы должны обеспечить американское доминирование в космосе, и именно поэтому несколько дней назад вице-президент изложил план моей администрации создать шестой вид американских вооруженных сил, названный Космическими силами США»*²⁹.

Приоритетом космических программ на 2019 финансовый год является обеспечение пяти пусков средних и тяжелых ракет для вывода военных спутников на разные орбиты. Причем планируется использовать ракетные двигатели американского производства (1,9 млрд долл. США). Другая часть программ связана с совершенствованием глобальной системы навигации GPS (1,5 млрд) и

²⁷ *Ferran L.* Another Star Wars Folly? Lawmaker Says “We’ve Been Here Before”. URL: <http://realclearlife.com/politics/star-wars-folly-lawmaker-strategic-defense-initiative>

²⁸ *Karako T., Williams I.* The Forthcoming Missile Defense Review. *Defense Outlook* 2018. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2018. P. 26–28.

²⁹ President Signs Fiscal 2019 Defense Authorization Act at Fort Drum Ceremony. URL: <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1601016/president-signs-fiscal-2019-defense-authorization-act-at-fort-drum-ceremony>

наращивания космической группировки спутников нового поколения SBIRS для обнаружения пусков баллистических ракет (0,8 млрд долл. США)³⁰. Все эти работы нацелены на создание системы предупреждения о ракетном нападении нового поколения.

Доктринальные документы, регламентирующие политику безопасности, а также планы закупок и модернизации по всем видам и родам войск указывают на то, что ВС США готовятся к сценарию, когда возможно вовлечение, в том числе одновременное, в несколько видов войн: крупномасштабную, региональную и иррегулярную.

Следует отметить, что помимо военно-стратегических соображений на формирование военного бюджета США влияют и факторы экономического характера. Военно-промышленный комплекс стремится извлечь все возможные выгоды из нахождения у власти президента с «родословной» крупного предпринимателя. Д. Трамп весьма благосклонно относится к «потребностям» ВПК и лоббированию им своих интересов на уровне государственных учреждений США. Помимо сочувственного отношения к «коллегам» из оружейного бизнеса, Трамп считает, что финансовые вливания в военные НИОКР и производство могут послужить еще одним стимулом развития американской экономики. Как показывает исторический опыт, Америка не раз выходила из кризисного положения за счет раскручивания маховика гонки вооружений. Похоже, и нынешняя администрация США (в союзе с ВПК) собралась использовать этот испытанный прием для «накачивания» американской экономики, а заодно и обеспечения военно-технологического преимущества США над своими зарубежными конкурентами.

Заключение

Несмотря на критику внешней политики Б. Обамы и курс на увеличение военных расходов, Д. Трамп сохраняет преемственность

по многим базовым направлениям, впрочем, так же как и непоследовательность своего предшественника. Последняя во многом связана с жесткой оппозицией части Конгресса и элит США. Более конкретные очертания военной политики США проявятся после промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2018 г. Эти изменения коснутся и российско-американских отношений, в том числе в области контроля над вооружениями и режима сдерживания России.

Очевидно, Д. Трамп продолжит стратегическую линию на контроль за «аркой» Персидский залив – Индийский океан – Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря. Это неизбежно вызовет нарастание напряжения в военно-политических отношениях с КНР, поскольку уязвимыми становятся основные пути поставки энергоресурсов в Китай с Ближнего Востока, а в перспективе – и проект «Новый шелковый путь». При всей риторике о необходимости нормализации отношений с Россией Трамп придерживается скептической позиции по СНВ-3 и повторяет тезис прежней администрации о нарушениях Россией Договора о РСМД. Как и при Обаме, остаются неопределенными сроки вывода американских войск из Афганистана и Ирака, схожая ситуация складывается и в Сирии. Неизменным остается курс США на восстановление политической гегемонии и военное превосходство в мире.

По существу, Д. Трамп выбрал лишь иные средства для достижения тех же стратегических целей. В отличие от неолиберальных установок Б. Обамы – сочетания «мягкой» и «жесткой» силы – Трамп склонен следовать рецептам в духе традиций политического реализма в его наиболее консервативном варианте, предполагающем внешнюю политику с позиций силы, ярко выраженный государственно-центричный подход, крайний прагматизм. Именно этим объясняется тот факт, что в нынешних американских доктринальных документах Россия опять фигурирует в качестве основной угрозы безопасности США.

³⁰ Fiscal Year 2019 Budget Request. Office of the Under Secretary of Defense (Comptroller). CFO. Washington: Department of Defense, 2018. P. 8–10; Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018. P. 3–9.

Д. Трамп не преодолел антироссийской направленности внешней политики Обамы, несмотря на многочисленные заявления о необходимости нормализации отношений и попытки начать диалог, как это было на саммите с В. Путиным в Хельсинки в июле 2018 г. Российско-американские отношения по вопросам безопасности сохраняют двойственный характер. С одной стороны, Д. Трампу досталось «в наследство» множество проблем, которые требуют не давления, а диалога с Россией. С другой стороны, отношения России с США искусственно политизированы и служат инструментом внутривнутриполитической борьбы в США. По большому счету за этим стоит быстрый и неожиданный рост влияния России в мировой политике, которого Вашингтон пока не в состоянии принять. Дополнительную нервозность у американских политиков вызывает и сближение России с набирающим мощь Китаем. Однако непримиримых противоречий у России с США нет, что оставляет открытыми двери для постепенной нормализации отношений между ними.

Бюджет на 2019 финансовый год обозначил следующие приоритеты в военной политике Д. Трампа: отказ от снижения военных расходов, стабилизация военных расходов на уровне 3–3,1% от ВВП, ускоренная модернизация всех видов ВС, увеличение

расходов на НИОКР в военной области, курс на милитаризацию космоса, модернизация ядерной триады и систем ПРО/ПВО, особый акцент на ВМФ и ВМС в сфере военных закупок, продолжение реформы ВС для отражения угроз «полного спектра», сохранение сотрудничества по линии НАТО в Европе для «сдерживания» России.

Военный бюджет США на 2019 финансовый год полностью отвечает стратегическим установкам администрации Д. Трампа, что неоднократно отмечали американские политики разного уровня. Его основная направленность состоит в том, чтобы достигнуть полного военного превосходства во всех сферах. Однако успехи России и Китая в военной области ставят это под сомнение и создают условия для раскручивания гонки вооружений по всему их спектру, включая ядерное оружие. Важная особенность бюджета состоит в том, что основная масса закупок приходится на созданные достаточно давно оружие и технику, а не на инновационную продукцию. Поскольку крупнейшие инновационные программы войдут в завершающую фазу почти одновременно в конце 2020-х гг., на этот период придется пик военных затрат, что неизбежно создаст серьезные бюджетные трудности для политического руководства США в среднесрочной перспективе.

Таблица 1

Изменение военных расходов в 2019 финансовом году по сравнению с 2018 финансовым годом, млрд долл. США

Table 1

Changes in military spending in FY 2019 against FY 2018, billion USD

Статья расходов	Базовый бюджет	Операции за рубежом	Непредвиденные расходы
Сухопутные войска	+19,9	+4,5	-0,904
ВМС	+21,2	+0,6	-0,733
ВВС	+21,8	+2,6	-0,574
Сопутствующие расходы	+10,2	-2,2	-2,4
Итого	73,3	5,57	-4,68

Источник: Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Appendix A. Washington: Office of the Under Secretary on Defense, 2018.

Source: Defense Budget Overview. Fiscal Year 2019. Appendix A. Washington, Office of the Under Secretary on Defense, 2018.

Список литературы

1. *Шишков В.В.* Кризис глобальной гегемонии: перенапряжение гипердержавности США в 21 веке // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 1. С. 36–56.
2. *Шаклеина Т.А.* Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 40–52.
3. *Lindermann A.R.* Rediscovering Irregular Warfare: Colin Gubbins and the Origins of Britain's Special Operations Executive (Campaigns and Commanders Series). University of Oklahoma Press, 2016. 288 p.
4. *Кривохижа В.И.* Администрация Д. Трампа и российско-американские отношения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 7. С. 5–25.
5. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14. С. 2–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/novaya-voennaya-doktrina-baraka-obamy-i-natsionalnye-interesy-rossii>
6. *Козин В.* Ядерная стратегия Дональда Трампа: первые контуры // Международная жизнь. 2017. № 3. С. 136–148.
7. *Савченко Е.О.* Эволюция взглядов военного руководства США на проблемы развития вооруженных сил в современных геополитических условиях // Военная мысль. 2018. № 2. С. 68–81.
8. *Панюжева М.М.* Ключевые внешнеполитические кадры команды Дональда Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 2. С. 95–112.
9. *Самуйлов С.М.* Внутренние проблемы администрации Д. Трампа и российско-американские отношения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 5–22.
10. *Brands H.* The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2017, vol. 59, iss. 6, pp. 7–40. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1399722>
11. *Kristensen H., Norris R.* Russian Nuclear Forces, 2018. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 2018, vol. 74, no. 3, pp. 185–195. URL: <https://doi.org/10.1080/00963402.2018.1462912>

12. *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Alfred A. Knopf, 1973, 617 p.
13. *Wood D., Carafano J., Spoehr T.* 2018 Index of U.S. Military Strength. Davis Institute for National Security and Foreign Policy. Ed. by D. Wood. Washington: The Heritage Foundation, 2018. 429 p.
14. *Grieco K.* The 2018 National Defense Strategy: Continuity and Competition. *Strategic Studies Quarterly*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 3–8. Stable URL: <https://jstor.org/stable/26430813>
15. *Beraud-Sudreau L., Giegerich B.* NATO Defence Spending and European Threat Perceptions. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2018, vol. 60, no. 4, pp. 53–74. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495429>
16. *Manzo V., Warden J.* After Nuclear First Use, What? *Survival: Global Politics and Strategy*, 2018, vol. 60, iss. 3, pp. 133–160.
17. *Криволапов О.О.* Перспективы финансирования программ ПРО США до 2020 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 9. С. 103–117.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

THE FUTURE OF THE MILITARY POLICY OF DONALD TRUMP

Valerii N. KONYSHOV^{a,*}, Aleksandr A. SERGUNIN^b

^a Saint-Petersburg State University (SPbSU), St. Petersburg, Russian Federation
konyshov06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

^b Saint-Petersburg State University (SPbSU), St. Petersburg, Russian Federation
sergunin60@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

* Corresponding author

Article history:

Received 18 September 2018
Received in revised form
1 October 2018
Accepted 22 October 2018
Available online
14 December 2018

JEL classification: H56, N40,
N42

Keywords: military
strategy, security threat,
modernization, U.S. armed
forces, Trump

Abstract

Subject The article examines the state and prospects of the U.S. military policy during the presidency of D. Trump.

Objectives The research determines political, institutional and strategic factors, which shape the U.S. military policy promoted by the Trump Administration, and investigates what makes the policy distinctive.

Methods We analyze doctrinal documents guiding the U.S. military policy, the 2019 budget of the U.S. Department of Defense and experts' views. The research also employs methods of logic and comparative analysis.

Results We found common and differing aspects in doctrinal principles of the Obama and Trump security policies, key parameters of the Trump military doctrine, specifics of funding the Department of Defense and evolution of the U.S. military policy in the nearest future.

Conclusions and Relevance The Trump Administration demonstrates the consistency in following the military strategy pursuing the U.S. hegemony worldwide and control over maritime routes in the Persian Gulf – Indian Ocean – South China Sea – East China Sea. What distinguishes the current strategy from Obama's one is that it involves other tools for attaining strategic goals. D. Trump failed to subdue the anti-Russian tendency in the U.S. foreign policy. The USA considers Russia, China, Iran and North Korea as the main sources of military threats. D. Trump denied to reduce the military budget, which is earmarked to accelerate the retrofitting of military forces and gain the global military supremacy. The nuclear triad modernization programs undermine the strategic stability in the U.S.–Russian relations.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Konyshov V.N., Sergunin A.A. The Future of the Military Policy of Donald Trump. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 12, pp. 2178–2194.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2178>

References

1. Shishkov V.V. [Crisis of global hegemony: The overstretch of US hyperpower in the 21st century]. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 1, pp. 36–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/krizis-globalnoy-gegemonii-perenapryazhenie-giperderzhavnosti-ssha-v-xxi-v> (In Russ.)
2. Shakleina T.A. [What kind of America does the world need?]. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 40–52. (In Russ.)
3. Lindermann A.R. *Rediscovering Irregular Warfare: Colin Gubbins and the Origins of Britain's Special Operations Executive (Campaigns and Commanders Series)*. University of Oklahoma Press, 2016, 288 p.

4. Krivokhizha V.I. [The D. Trump Administration and U.S. – Russian Relations]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura = USA v Canada: Economics – Politics – Culture*, 2017, no. 7, pp. 5–25. (In Russ.)
5. Konyshov V.N., Sergunin A.A. [Barak Obama's new military doctrine and Russia's national interests]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2012, no. 14, pp. 2–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/novaya-voennaya-doktrina-baraka-obamy-i-natsionalnye-interesy-rossii> (In Russ.)
6. Kozin V. [The nuclear strategy of Donald Trump: The first outlines]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*, 2017, no. 3, pp. 136–148. (In Russ.)
7. Savchenko E.O. [Evolution of the U.S. military leadership's views on the problems of developing the armed forces in the current geopolitical conditions]. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2018, no. 2, pp. 68–81. (In Russ.)
8. Panyuzheva M.M. [D. Trump's key foreign policy officials]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura = USA v Canada: Economics – Politics – Culture*, 2018, no. 2, pp. 95–112. (In Russ.)
9. Samuilov S.M. [Domestic problems of the Trump Administration, and Russian-American relations]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura = USA v Canada: Economics – Politics – Culture*, 2018, no. 6, pp. 5–22. (In Russ.)
10. Brands H. The Unexceptional Superpower: American Grand Strategy in the Age of Trump. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2017, vol. 59, iss. 6, pp. 7–40. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1399722>
11. Kristensen H., Norris R. Russian Nuclear Forces, 2018. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 2018, vol. 74, no. 3, pp. 185–195. URL: <https://doi.org/10.1080/00963402.2018.1462912>
12. Morgenthau H. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace*. Alfred A. Knopf, 1973, 617 p.
13. Wood D., Carafano J., Spoehr T. 2018 Index of U.S. Military Strength. Davis Institute for National Security and Foreign Policy. The Heritage Foundation, 2018, 429 p.
14. Grieco K. The 2018 National Defense Strategy: Continuity and Competition. *Strategic Studies Quarterly*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 3–8. Stable URL: <https://jstor.org/stable/26430813>
15. Beraud-Sudreau L., Giegerich B. NATO Defence Spending and European Threat Perceptions. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2018, vol. 60, iss. 4, pp. 53–74. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495429>
16. Manzo V., Warden J. After Nuclear First Use, What? *Survival: Global Politics and Strategy*, 2018, vol. 60, iss. 3, pp. 133–160. URL: <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1470770>
17. Krivolapov O.O. [Prospects for the U.S. missile defense programs' funding up to 2020]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura = USA v Canada: Economics – Politics – Culture*, 2017, no. 9, pp. 103–117. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.